

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ НЕПРЯМОГО РЕАЛИЗМА

Д.В. Винник

Проблема соотношения иллюзорного и действительного является, пожалуй, одной из самых древних эпистемических проблем и источником большого количества различных спекуляций, преимущественно скептического и идеалистического толка.

Обычно иллюзорное, неподлинное сознание рассматривают как специфический феномен восприятия, однако очевидно, что он несводим к восприятию. Иллюзорные формы сознания мы можем обнаружить на самых различных уровнях психической организации. Однако применительно к когнитивной сфере критерии различия реального и иллюзорного являются еще более проблематичными, нежели применительно к сфере восприятия, поэтому обычно иллюзии и галлюцинации рассматриваются именно как специфический феномен восприятия. Между тем есть все основания полагать, что некоторые философские доктрины самого интеллектуалистского толка содержат в своей основе опыт, имеющий много общего с галлюцинациями.

Обратимся к мнению Б. Рассела: «Личная религия ведет свое начало из экстаза, теология – из математики; и то, и другое можно найти у Пифагора. Я полагаю, что математика является главным источником веры в вечную и точную истину, а также в сверхчувственный интеллигибельный мир» [1]. Механизм возникновения подобного рода заблуждения подробно описывает Э. Гуссерль: «Для геометра “совершенно безразлично, есть ли у него при этом галлюцинации или нет, и чертит ли он свои линии действительно или же встраивает линии и конструкции в некий мир фантазий”», далее: “...ни геометрия, ни феноменология, будучи науками о чистой эссенции, не ведают констатацией относительно реального существования”» [2].

Действительно, длительная визуализация в воображении геометрических фигур и прочих математических структур может привести к усилению того, что в психологии называется эйдетическим восприятием. Эти объекты могут восприниматься настолько же ясно, как окружающий внешний мир, и даже более ясно и отчетливо. Основанием этого является их относительная простота по сравнению с объектами действительности,

восприятие которых постоянно модифицируется в зависимости от обстоятельств. Не случаен тот факт, что объективный идеализм платоновского толка настаивает на восприятии идей квазизрительным образом – «созерцанием» последних. Вполне возможно, что в основе веры в объективное существование идей лежит именно зрительный галлюцинаторно-подобный опыт, пережитый в свое время Пифагором и Платоном.

В области идеологии мы также можем встречаться с формами ложного сознания, такими как суеверия, ложные теории, идеологические концепции. Характерно, что эти формы ложного сознания могут охватывать целые сообщества и общества. К. Маркс и К. Мангейм подробно описали феномен идеологии как формы ложного сознания. Однако применительно к области интеллекта мы не имеем надежных интерсубъективных критерий (мнений окружающих), благодаря которым были бы способны отличить реальный объект от нереального.

В современной философии сознания выделяют специфические «аргумент иллюзии» и «аргумент галлюцинации» как средства для отрицания так называемого «прямого», или «наивного», реализма, а в некоторых случаях и реализма вообще в пользу скептицизма, агностицизма и солипсизма. Под прямым реализмом понимают точку зрения, согласно которой объекты внешнего мира воспринимаются непосредственно. Теория прямого реализма удачно описана П. Стросоном в его работе «Восприятие и его объекты» [3]. Стросон утверждает, что «сложившиеся восприятия» представляют, как говорил Кант, непосредственное сознание существования вещей вне нас. При прочих равных условиях сознание воспринимает не качества вещей, не феномены, но сами вещи как данность. Иными словами, данностью выступают не явления, но сами объекты.

Непрямой реализм утверждает, что мы не имеем прямого доступа к реальности, поскольку он опосредован тем, что называют чувственными данными, феноменами или кволиями. Источник чувственных данных находится во внешнем мире, однако наше сознание способно конструировать или конституировать объекты из этих данных различными способами. Диапазон различных способов конституирования достаточно широк: от объектов, имеющих очень высокое сходство с реальной вещью, вплоть до объектов, не имеющих с вещью ничего общего. Наиболее влиятельными формами непрямого реализма являются теория чувственных данных, теория репрезентации, дизъюнктивная теория, интенциональная теория и некоторые версии адвербальной теории. Следует

отметить, что перечисленные теории обычно используют одинаковую аргументацию и нередко отличить их друг от друга представляется затруднительным.

* * *

Теория чувственных данных была крайне популярна в начале XX в. Ее придерживались такие известные позитивисты, как Д. Мур и Б. Рассел. Эта теория исходит из того, что чувственному восприятию сопутствует некий акт осознания. Содержанием этого сознания как раз и является то, что называется чувственными данными, поскольку оно как бы «дано» чувствам. Аргумент иллюзии используется для обоснования того, что чувственные данные, чем бы они ни были, не являются обычным физическим объектом. Галлюцинации в рамках рассматриваемой концепции – это ментальные состояния того же типа, что и подлинные восприятия. Согласно А.Д. Смиту, «подлинные характеристики галлюцинаций не могут преступить пределы чувственной данности субъекта» [4]. Это означает, что галлюцинаторные объекты представляют собой не более чем чувственные данные. Спорным в этой теории является вопрос о зависимости чувственных данных от сознания. Д. Мур считал, что чувственные данные независимы от сознания. Во второй половине XX в. стандартной стала противоположная точка зрения. Например, ее придерживается философ Г. Робинсон [5].

Теория репрезентации основывается на понятии кволий, во многом схожим с понятием чувственных данных. Эту теорию создали Г. Анскомб [6] и Я. Хинтикка, ее сторонниками являются Д. Льюис, Г. Харман [7], С. Шумахер [8], М. Tay [9] и Т. Крэйн [10]. Сторонники этой теории предлагают вычленять свойства или качества объектов окружающей среды. Кволии являются интенциональным содержанием, или репрезентационными свойствами, представляемых объектов. Важно иметь в виду, что кволии в этой теории интерпретируются не как самостоятельные имматериальные сущности (подобно тому, как считал Б. Рассел), а как сущности, опосредующие восприятие объектов – как реальных, так и нереальных. Если мы видим, например, помидор, мы воспринимаем его красным, и эта краснота репрезентирует реальный помидор. В случае галлюцинации краснота также сохраняет свою роль репрезентации помидора, только в данном случае – иллюзорного. Следует иметь в виду, что конкретные модификации теории

репрезентации, например разработанная Т. Крэйном, неотличимы от теории интенциональности. Важным отличием теории репрезентации от теории интенциональности, описывающей различные формы сознания, в том числе рефлексивные, является то, что первая ограничивается описанием того, что сколасти называли «первичными интенциями».

Адвербиалистская теория получила свое странное название благодаря известному термину «adverb», который означает наречие. Данная теория отказалась в относительности ментальным состояниям, перенеся интенциональное содержание с объекта на акт. Таким образом, феноменальные свойства и признаки следует относить не к объектам (вещам или кволиям), а к действиям (актам восприятия, воображения и т.п.), и выражать их в языке не прилагательными, а наречиями. Всякий акт восприятия есть событие, которое может модифицироваться. Возьмем для примера восприятие яблока, круглого и красного по своим свойствам. С точки зрения «наречников», таких сущностей, как «красное» и «круглое», не существует – ни в материальном мире, ни в сознании, ни в нейтральном мире. То, что мы считаем свойствами или феноменальными характеристиками, принадлежащими объектам, есть не более чем способы модификации наших актов восприятия. Поэтому корректно было бы выражаться не «вижу красное (red) и круглое (round)», а «вижу краснеющим (red-ly) и круглеющим (round-ly)» [11].

Примечательно, что способ образования наречий в русском языке препятствует конструированию столь корректных высказываний, как в английском языке, и восприятию этой оригинальной теории во всей ее глубине. В случае галлюцинаций, например если некто видит розовую крысу, эта теория дает массу преимуществ. В самом деле, утверждение «я вижу нечто розовеющее-крысеющим» корректнее высказывания «я вижу розовую крысу». С этой точки зрения как иллюзии, так и галлюцинации являются просто модификациями нашего восприятия. Если отвлечься от лингвистических спекуляций, про эту теорию можно сказать, что она основывается на существовании внутреннеприсущих сознанию, имманентных свойств, фактически – специфически трактуемых кволий. А. Томас [12] считает концепцию априорных форм восприятия ранней, но более совершенной формой адвербиалистской теории.

Если адвербиалистская теория возникла в результате лингвистических спекуляций, то *дизъюнктивная теория*, вне всякого сомнения, является плодом спекуляций логических. Отсюда и название. Однако она действительно стоит особняком от всех остальных теорий, поскольку отвергает

тезис, названный М. Мартином [13] «посылкой общего типа», согласно которому подлинное восприятие и галлюцинации являются фундаментальными ментальными состояниями одного психологического типа. Эта посылка характерна для теории чувственных данных, адвербалистской и интенциональной теорий. Наиболее фундаментальное общее описание обоих типов ментальных состояний является сугубо дизъюнктивным: опыт есть подлинное восприятие объекта или его чистая галлюцинация. Дизъюнктивная теория была выдвинута Д. Хилтоном [14], позднее развита М. Мартином. Поддерживая эту теорию, Х. Патнэм заключил, что дизъюнктивное свойство состоит в том, что между восприятиями и галлюцинациями «буквально нет ничего общего», «нет общего качества» [15]. Таким образом, дизъюнктивная теория онтологизирует галлюцинации как совершенно самостоятельный класс ментальных состояний, для которых характерно отсутствие отношения к объектам, независимым от сознания. Именно последнее свойство выступает существенным признаком подлинного восприятия. Феноминальные свойства не являются репрезентациями реальной вещи, но опосредуют ее восприятие, «презентируют» ее; в случае же галлюцинации они как раз оказываются не более чем чистой репрезентацией. В конечном счете есть основания полагать, что дизъюнктивизм по своему духу тяготеет к прямому реализму.

* * *

Особое внимание стоит уделить *теории интенциональности* как самой изощренной и влиятельной теории сознания. Данная теория настаивает на том, что интенциональность, или направленность сознания на объект, является сквозной структурой любых актов сознания. Однако существуют ментальные состояния, обычно высшего, когнитивного уровня, в которых интенциональная структура носит очевидный характер. Они называются интенциональными состояниями. Наиболее характерными примерами интенциональных состояний являются мысли, убеждения, желания и страхи.

Интенционалисты полагают, что существует общий компонент у обычных восприятий и неотличимых от них галлюцинаций. Этим общим компонентом является их интенциональное содержание. Многие интенционалисты придерживаются точки зрения, что сходство феноминального характера восприятий и галлюцинаций конституируется

сходством их содержания. Однако это утверждение несущественно для интенционалистов. Существенно, что интенциональное содержание восприятия объясняет (частично или полностью) его феноменальный характер.

Наиболее спорным является вопрос об онтологической природе интенциональных объектов. Ранние феноменологи, сторонники «подлинной» интенциональности, в частности Ф. Брентано и Э. Гуссерль, следуя своему методу редукции, рассматривают сознание в снятом виде, так что интенциональный объект постулируется как вообще безразличный к существованию реальных объектов. Обратимся к Э. Гуссерлю: «Может случиться так, что феноменологии будет что сказать, и, вполне вероятно, немало, и относительно галлюцинаций, иллюзий, вообще ложных восприятий, – однако очевидно, что все подобное при той роли, какую оно играло при естественной установке, подлежит сейчас феноменологическому заключению в скобки. Сейчас, вопрошая восприятие, да и любую продолжающуюся, длящуюся взаимосвязь восприятий, мы не обращаемся к ним с вопросами подобного рода: соответствует ли им что-либо в самой действительности. Нам не приходится производить тех “перечеркиваний”, какие иной раз бывают мотивированы взаимосвязью опыта и выражаются как раз словами вроде “иллюзии” и т.д., – мы не имеем права полагать ни бытия, ни небытия самой действительности» [16].

Гуссерль стремился описать универсальные структуры трансцендентального сознания, находящегося «по ту сторону» различных форм естественного сознания, включающих в себя как подлинное восприятие, так и галлюцинации. Современные интенционалисты придерживаются более мягкой точки зрения. Они полагают, что в случае подлинного восприятия интенциональные объекты являются обычными, независимыми от сознания вещами и их свойствами или совпадают с ними. В случае же галлюцинаций переживания оказываются репрезентацией и есть возможность иметь представление того, что не существует [17]. Следует отметить, что подобное утверждение справедливо и относительно фантазий, однако фантазии отличны от галлюцинаций по модусу, поскольку носят апперцептивный и рефлексивный характер. Тем не менее интенциональное сходство между фантазиями и галлюцинациями не стоит оставлять без внимания. Характерно, что усиление первых действительно может привести к последним. Такой точки зрения придерживался еще французский психиатр первой половины XIX в. Ж. Байарже [18]. Выделяют даже особый тип галлюцинаций – «галлюцинации воображения» [19].

Не менее острым оказывается вопрос о том, является ли содержание восприятия общим или особенным по своей природе. Особенное содержание относится к конкретному объекту таким образом, что оно не может быть содержанием состояния сознания, когда этот объект не существует в действительности. Особенное содержание является объектно-зависимым. Общее содержание может быть содержанием любого интенционального состояния и не зависит от существования какого-либо конкретного объекта. Общее содержание является объектно-независимым. По логике интенционалистов, следует утверждать, что восприятия – всецело общие по характеру. Однако Т. Бюрге [20] считает, что любой эпизод подлинного восприятия содержит нередуцируемый единичный элемент, даже если этот эпизод имеет в своем содержании некий компонент, общий со множеством других эпизодов. М. Мартин [21] доказывает, что, допуская подобное, нам следует отказаться от точки зрения, что содержание опыта носит полностью общий характер.

Дискуссия о том, является ли содержание восприятия общим или особенным, не сводится к вопросу, подразумевает ли существование восприятия существование объекта. Это можно продемонстрировать на простом примере. Допустим, что опыт включает в себя способность узнавания, и у нас есть способность узнать Президента. Допустим также, что эта способность является общей и предшествует существованию Президента. Следуя логике, мы будем находиться в одинаковом интенциональном состоянии, когда мы галлюцинируем Президентом и когда мы реально видим его. Несмотря на то что наличие нашей способности узнать Президента может зависеть от его существования, не всякий случай реализации нашей способности требует присутствия Президента. Наша способность может дать осечку. Следовательно, интенционализм может утверждать, что опыт одинаков как в галлюцинаторном, так и в подлинном случае, даже если существование способности распознавания предполагает существование узнаваемого объекта.

Настойчивость интенционалистов относительно ментальной общности актов восприятия и интенциональных актов в узком смысле (мысли, убеждения) не оставляет возможности задаваться вопросом о различии их содержания. Согласно некоторым интенционалистам, таким как Г. Эванс [22] и Т. Крэйн [23], главное различие заключается в том, что восприятие обладает «неконцептуальным» содержанием. Основная идея состоит в том, что чувственное восприятие включает в себя такую форму ментальной презентации, которая в некотором смысле менее сложна,

нежели репрезентация, включающая, например, убеждение. Убеждение, что «*S* есть *P*» требует, чтобы субъект владел понятиями *S* и *P*. Идея неконцептуального содержания состоит в том, что восприятие содержания, что *S* является *P*, не требует владения соответствующими понятиями. Иными словами, речь идет о способности воспринимать чистую данность, о которой так много говорили ранние феноменологи и к которой взвал Гуссерль.

Критики интенциональной теории, такие как упомянутый Г. Робинсон, аргументируют свою точку зрения тем, что эта теория не предлагает адекватного критерия отличия чувственного восприятия от других форм интенциональности. Такая позиция характерна для сторонников теории чувственных данных. Основной их упрек заключается в том, что интенционалисты не дают адекватного объяснения качественного характера чувственного восприятия, объясняя последнее в терминах репрезентации. Ни одно ментальное состояние не описывается с точки зрения его качественного содержания: если ментальные состояния не обладают качественной спецификой, то как мы можем отличить акт мысли от акта восприятия?

На эту критику у интенционалистов есть свои ответы. Самый простой из них заключается в том, что нам следует принять фундаментальное положение, согласно которому интенциональность восприятия обладает качественным характером. С этой точки зрения некоторые интенциональные состояния (например, восприятия, телесные ощущения), обладают качественным характером, а некоторые – (например убеждения) не обладают.

Не все интенционалисты, однако, признают существование кволий, или сырых чувственных данных. Слабые интенционалисты признают кволии, сильные – не признают. Сильные интенционалисты, такие как упомянутые Г. Харман и М. Тай, считают, что мы не осознаем кволий, когда интроспективно исследуем наше восприятие. Других же источников знания о кволиях не существует по определению. В качестве защиты своей позиции некоторые сторонники слабого интенционализма заявляют, что хотя интроспективно мы не имеем непосредственного подтверждения наличия кволий, некоторые мысленные эксперименты могут продемонстрировать нам, что встроенные в сознание кволии проявляются в восприятии.

Самым типичным из множества подобных мысленных экспериментов является «инверсия спектра». Согласно эксперименту нам следует

представить аномального индивида, который по каким-то причинам врожденного характера вместо красного цвета видит синий и, наоборот, вместо синего – красный. Иначе говоря, он воспринимает привычный нам видимый спектр в перевернутом или рекомбинированном виде. Стоит отметить, что представляемая аномалия отличается от дальтонизма, поскольку при дальтонизме в восприятии имеются пробелы, т.е. дальтоник просто не видит некоторых цветов или воспринимает близкие цвета в качестве одного. Стандартные зрительные тесты не дадут результата, поскольку носитель инвертированного спектра будет употреблять термины «красный» и «синий» столь же корректно, как и другие субъекты.

Согласно слабым интенционалистам, нормальный человек и аномальный человек репрезентационно идентичны: они представляют мир одинаковым способом, в одинаковых актах сознания. Их различие заключается в нерепрезентируемых чувственных данных их опыта. Впрочем, сильные интенционалисты полагают, что различие между ними все равно лежит в области репрезентации.

Существует еще один аргумент против интенционализма, который обычно используют сторонники прямого метафизического реализма. Прямые реалисты считают, что интенциональная концепция не способна объяснить «очевидный» факт «открытости сознания миру». С этой точки зрения интенционалистская теория восприятия ничуть не лучше теории чувственных данных, поскольку обе они рассматривают восприятие в терминах отвлеченных от внешнего мира состояний сознания, отгораживая сознание от реальности экраном из чувственных данных. Однако приведенный выше аргумент не более состоятелен, чем аргумент против концепции лингвистической репрезентации, сторонников которой можно упрекнуть в том, что они отгораживают нас от реальности экраном из репрезентирующих эту реальность слов и понятий. Кроме того, пресловутая «открытость сознания миру» скорее является метафорой метафизического толка, нежели содержательным философским понятием.

* * *

Все рассмотренные теории непрямого реализма имеют общие преимущества и недостатки. Явные преимущества их состоят в том, что они трактуют галлюцинации не как некий мистический феномен вторжения чуждых, потусторонних сил в наше сознание, но как некоторую крайнюю разновидность иллюзий, при которой сходство

ментального объекта с реальностью претерпевает полную инфляцию. Есть основания полагать, что многие случаи галлюцинаторного опыта являются не более чем глубокими искажениями реальных объектов. Чувственные данные, имеющие своим источником реальный мир, конституируются необычным, причудливым образом. Стало быть, на концептуальном уровне понятие иллюзии оказывается более общим, чем понятие галлюцинации. Это отношение явно не согласуется с психиатрической классификацией душевных расстройств, относящей иллюзии и галлюцинации к принципиально разным типам ментальных состояний, однако обладает удовлетворительной объясняющей силой с точки зрения онтологии.

Недостатки этих теорий связаны с тем, что они уделяют мало внимания физиологическим и даже чисто физическим механизмам образования галлюцинаций и иллюзий. В XX в. в поле внимания науки попали мощные средства, способные совершить переворот в нашем знании о столь странном феномене психики. Во-первых, это психофермакологические средства (ЛСД, ДМТ, МДМА, мескалин, псилоцибин, кетамин и др.) и электрическое раздражение мозга, позволяющие искусственно вызывать галлюцинации в лабораторных условиях. Во-вторых, это неинвазивные методы исследования мозга (ЭЭГ, МЭГ, ПЭТ, МРИ), благодаря которым существует возможность в сочетании с использованием упомянутых средств исследовать физические корреляты галлюцинаций в режиме реального времени. В-третьих, это математические методы моделирования изображений в компьютерной графике и способы их распознавания. Данная область позволяет провести продуктивные аналогии между программными генераторами графических изображений и механизмом образования галлюцинаций в зрительном аппарате человека.

В настоящее время существует работы, в основу которых положено использование перечисленных методов. Наибольший интерес, пожалуй, представляет статья П. Бреслова, Дж. Кована, М. Голубицкого и др. «Геометрические визуальные галлюцинации, евклидова симметрия и функциональная архитектура коры» [24]. Авторы этого работы обращают внимание на подтвержденный в неоднократных экспериментах факт, что под воздействием ЛСД и мескалина субъекты часто видят совершенно характерные геометрические фигуры (многогранники, спирали), матричные текстуры, решетки и тунNELи. С помощью математического моделирования работы зрительного отдела коры головного мозга они

попытались выявить те устойчивые «генераторы» сигналов, которые ответственны за формирование конкретных образов.

Представляет интерес тот факт, что более сложные галлюцинации, приближающиеся по своему содержанию к действительности, также могут носить типичный характер. Под воздействием кетамина испытуемые обычно сообщают о путешествиях с очень большой скоростью в механических устройствах, как реальных (американские горки, лифты, самолеты), так и фантастических (космические орбитальные модули и т.п.) [25]. Вероятно, переживание быстрого движения, характерное при приеме этого вещества, мобилизует воспоминания и ассоциации, связанные со скоростью; в результате галлюцинаторный опыт облекается в именно такое содержание. Однако это не более чем предположения. Возможно, представляют интерес интроспективные отчеты испытуемых – представителей других культур.

К сожалению, теории непрямого реализма в философии сознания оставляют без внимания внутренние физические механизмы порождения содержания восприятия, оперируя квазипсихологическими понятиями «чувственные данные», «интенция», «кволия» и т.п. Некоторые проблемы в этой области, до сих пор считавшиеся философскими, уже стали совершенно научными и существенно прояснились. Таким образом, данные конкретных наук требуют от философии переосмысления традиционных аргументов, связанных с использованием феноменов иллюзий и галлюцинаций, поскольку указанные понятия претерпели существенные содержательные изменения.

Примечания

1. Рассел Б. История западной философии. – М.: Миф, 1993. – С. 55–56.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 169.
3. См.: Strawson P.F. Perception and its objects // Perception and Identity. – L.: Macmillan, 1979.
4. Smith A.D. The problem of perception. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2002. – P. 264.
5. См.: Robinson H. The general form of the argument for Berkeleyan idealism. – Oxford: Clarendon Press, 1985.
6. См.: Anscombe G.E.M. The intentionality of sensation: A grammatical feature. – Oxford: Basil Blackwell, 1965.
7. См.: Harman G. The intrinsic quality of experience. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

8. См.: *Shoemaker S.* Qualities and qualia: What's in the mind? // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1990. – № 50. – Suppl. 109–131.
9. См.: *Thau M.* Consciousness and cognition. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
10. См.: *Crane T.* Elements of mind. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
11. См.: *Tye M.* The adverbial theory of visual experience // *Philosophical Review*. – № 93. – Р. 195–225.
12. См.: *Thomas A.* An adverbial theory of consciousness // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2003. – № 3. – Р. 161–185.
13. См.: *Martin M.* The transparency of experience // *Mind and Language*. – 2003. – № 17. – Р. 376–425.
14. См.: *Hinton J.M.* Experiences. – Oxford: Clarendon Press, 1973.
15. *Putnam H.* The Threefold cord. – N.Y.: Columbia Univ. Press. – 1999.
16. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – С. 198–199.
17. См.: *Harman G.* The intrinsic quality of experience.
18. См.: *Gurney E.* Hallucinations // *Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy*. – 1885. – № 38 – Р. 161–199.
19. См.: *Рыбальский М.И.* Иллюзии и галлюцинации: систематика, семиотика, нозологическая принадлежность. – Баку, 1983.
20. См.: *Burge T.* Other bodies // *Thought and Object*. – Oxford: Clarendon Press, 1982.
21. См.: *Martin M.* The transparency of experience.
22. См.: *Evans G.* The varieties of reference. – Oxford: Clarendon Press, 1982.
23. См.: *Crane T.* Content, non-conceptual // *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. – L.: Routledge. – 1998.
24. См.: *Bressloff C., Cowan D., Golubitsky M. et al.* Geometric visual hallucinations, euclidean symmetry and the functional architecture of striate cortex // *Philosophical Transactions: Biological Sciences*. – 2001. – № 1407. – Р. 4–5.
25. См.: *Крупницкий Е.М., Палей А.И., Беркалиев Т.Н. и др.* Психоделическая терапия с применением кетамина // *Московский психотерапевтический журнал*. – 1993. – № 2. – С. 103–130.

Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск

Vinnik, D.V. Ontological status of hallucinations in indirect realism conception

Relation between phantom and real objects is probably one of the most ancient epistemic problems. It generates various speculations, mainly skeptical and idealistic ones. The paper shows that special sciences data require philosophical re-interpretation of traditional arguments relating to the use of illusion and hallucination phenomena since the corresponding conceptions essentially changed their content.